

bee sci

bee sci

НАНО
МЁД

18+

АНАТОЛИЙ КЛЕПОВ

Анатолий Клепов

Нано мёд

«Автор»

2026

Клепов А.

Нано мёд / А. Клепов — «Автор», 2026

Арабская страна объявляет тендер на шифраторы для руководства. В битве с лучшими криптофирмами мира побеждает Россия. Контракт подписан. Но тут арабы с недоумением пожимают плечами: «Танки, самолёты, ракеты — это мы знаем. А криптография?». Руководитель делегации вспомнил мёд, подаренный арабам в прошлую командировку. И тогда он выдаёт легенду: Россия производит единственный в мире нано-мёд. Секретная кремлёвская трава, наночастицы, пчёлы-акробаты и значительное повышение потенции. Арабы забывают про шифраторы. Требуют презентацию. На пяти мониторах — компьютерное шоу: виртуальный мужчина, диаграммы, полёт фантазии сексопатолога с лазерной указкой. В зале — триста человек. Это история о том, как иногда приходится врать, чтобы сохранить лицо страны. Но ложь становится правдой — потому что главное это эмоции человека и вера в свойства продукта. И тогда чудо свершается в жизни. Мёд куплен, все довольны, а секретная кремлёвская трава по-прежнему растёт где-то под Рязанью.

© Клепов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Часть первая. Песок и нефть	7
Часть вторая. Генерал Аль-Рашид	9
Часть третья. Математика не имеет гражданства	11
Часть четвёртая. Решение	13
Эпилог пролога. Сорок восемь часов спустя	14
ГЛАВА 1	15
Часть шестая. Ночь перед	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анатолий Клепов

Нано мёд

Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или умершими, или реальными событиями является чисто случайным.

ПРОЛОГ

*«Тот, кто владеет информацией — владеет миром»
2003 год*

Часть первая. Песок и нефть

Март 2003 года выдался жарким даже по меркам пустыни.

Не в переносном смысле — в буквальном. Термометр в столице показывал сорок два градуса в тени. Финиковые пальмы стояли неподвижно — ни ветра, ни движения. Песок у дворцовых ворот был такой белый, что смотреть на него без очков было больно.

Но жарче всего было не снаружи.

Жарче всего было в зале совещаний на третьем этаже главного дворца — там, где кондicionеры работали на полную мощность, где белые одежды советников казались особенно белыми на фоне тёмных кожаных кресел, и где султан К. сидел во главе длинного стола и молчал уже восемь минут.

Советники знали: когда султан молчит дольше пяти минут — это не пауза. Это решение, которое ещё не нашло слов.

За окном, за пальмами, за песком — в четырёхстах километрах отсюда по прямой — американские самолёты уже несколько дней бомбили Багдад.

Война началась.

Султан К. правил своей страной двадцать один год.

За эти двадцать один год он видел многое. Он видел, как нефтяные деньги превращают кочевников в миллионеров за одно поколение. Он видел, как соседние страны меняли правительства — иногда через выборы, иногда через военные перевороты, иногда через то, что в дипломатических документах деликатно называлось «сменой режима». Он видел американских президентов — пятерых за время своего правления — и научился читать их улыбки точнее, чем любой переводчик читал их слова.

Он был умным человеком. Возможно, самым умным человеком в этой комнате — хотя за столом сидели министры, генералы, советники с дипломами Оксфорда и Гарварда, люди, которые говорили на пяти языках и читали *The Economist* не в переводе.

Ум султана был особого свойства. Он умел отделять главное от второстепенного быстрее, чем другие успевали сформулировать вопрос.

И сейчас главное было абсолютно ясным.

Война идёт. Американцы бомбят Ирак. Саддам Хусейн доживает последние дни своей власти — султан в этом не сомневался. Через несколько недель, максимум месяцев, американские солдаты войдут в Багдад.

И что тогда?

Тогда весь регион изменится. Карта передвинется. Силы перераспределятся. И каждый правитель в радиусе тысячи километров окажется перед одним и тем же вопросом: ты с американцами или против?

Султан К. уже дал ответ. Американские самолёты получили разрешение использовать его аэродромы. Это было политическое решение, выверенное и правильное. Отказать Вашингтону в такой момент — значит оказаться по другую сторону от победителя. А победитель в этой войне был известен заранее.

Но у каждого политического решения есть цена.

И султан думал именно о цене.

Он поднял глаза от стола и посмотрел в окно. Долго. Советники не шевелились.

Американские самолёты на его аэродромах — это не просто военное сотрудничество. Это присутствие. А присутствие означает людей. Люди означают технику. Техника означает связь. А связь — это информация.

Вот где была настоящая проблема.

Пока американские технические специалисты находятся на его базах, они слышат всё. Не потому, что они шпионы — хотя среди них наверняка есть и шпионы. А просто потому, что они профессионалы, у них есть оборудование, и это оборудование работает непрерывно. Оно перехватывает сигналы. Записывает переговоры. Анализирует трафик.

Они узнают, кто с кем говорит. О чём говорит. Когда говорит.

Они узнают о нефтяных контрактах раньше, чем подпишут бумаги.

Они узнают о внутренних разногласиях в правительстве.

Они узнают о том, кто из министров недоволен. Кто амбициозен. Кто уязвим.

А это — уже не просто информация. Это инструмент. Очень опасный инструмент в очень умелых руках.

Султан К. думал об Иране 1953 года. О Чили 1973 года. О Панаме 1989 года. О других примерах, которые не попали в учебники истории, но о которых он знал от людей, которым доверял.

Американцы не устраивают перевороты из злого умысла. Они устраивают их из прагматизма. Когда информация говорит им, что смена правительства выгодна — они меняют правительство. Это не хорошо и не плохо. Это просто факт.

И султан не собирался становиться фактом в чужой аналитической справке.

Он снова посмотрел на советников.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Теперь говорите.

Часть вторая. Генерал Аль-Рашид

Первым слово взял не министр.

Султан жестом остановил министра внутренней безопасности, который уже открыл рот, и посмотрел в дальний конец стола.

— Генерал. Начните вы.

Генерал Халед Аль-Рашид — начальник разведки страны — встал.

Он был невысоким человеком лет пятидесяти пяти. Без лишнего веса. Без лишних движений. Без лишних слов. За двадцать лет службы он выработал особую манеру говорить — коротко, точно, без украшений. Разведчик не украшает. Разведчик сообщает.

В отличие от других советников за этим столом — он не держал перед собой папку с документами.

Всё, что он знал, было у него в голове.

— Ваше Величество, — начал он. — Угроза реальна. Конкретна. И требует немедленного решения.

Он говорил стоя. Это было его правило на совещаниях по безопасности — стоять. Не из уважения к протоколу. Из уважения к серьёзности.

— С момента начала операции в Ираке американское техническое присутствие в регионе выросло на триста восемьдесят процентов. Не военное — техническое. Разведывательные самолёты RC-135. Наземные станции радиоперехвата. Мобильные криптоаналитические группы. Они развёрнуты на трёх наших базах.

Пауза.

— Наша текущая система правительственной связи была установлена в 1994 году. По стандартам того времени — приемлемо. По стандартам сегодняшнего дня — открытая книга. Американское оборудование перехватывает наши переговоры на министерском уровне. Это не предположение. Это факт, который я готов подтвердить на закрытом брифинге.

Несколько советников переглянулись.

— Они читают нас сейчас? — спросил министр финансов тихо.

— Сейчас — да, — ответил генерал Аль-Рашид без интонации. — Именно поэтому это совещание проходит в комнате без телефонов, без записывающих устройств и с активными системами противодействия прослушиванию. Это базовые меры. Они дают нам защиту на ближайшее время. Но они не решают проблему системно.

Он обвёл взглядом стол.

— Проблема решается одним способом. Новая криптографическая система. Полная замена оборудования. От личного телефона Его Величества до терминалов в самых отдалённых провинциальных администрациях. Единый защищённый контур. Без исключений.

— Стоимость? — спросил министр финансов.

Генерал посмотрел на него ровно.

— Меньше, чем стоимость одного государственного переворота.

Тишина.

Это была не метафора. Все в комнате понимали это.

— Варианты поставщиков, — продолжил генерал. Его голос стал ещё ровнее — если это было возможно. — Я рассмотрю их в порядке убывания политической близости к США. Потому что именно этот критерий является определяющим.

Он не открыл папку. Он просто говорил.

— США. Технологический лидер. Лучшее оборудование по большинству параметров. Официальный запрос через Государственный департамент был направлен три месяца назад.

Ответ пришёл на прошлой неделе. Отказ. Формулировка стандартная — ограничения экспортного контроля, необходимость специального разрешения для союзников первого уровня. Мы не входим в этот список. Не войдём в обозримом будущем.

Он сделал паузу — короткую, как точка.

— Великобритания. Де-факто зависит от США по вопросам криптографических технологий. Разведывательный альянс «Пять глаз» обязывает британскую сторону согласовывать экспорт криптооборудования с Вашингтоном. Неофициальный ответ получен. Они не могут продать нам то, что нам нужно, без американского одобрения. Тот же отказ. В более вежливой упаковке.

Пауза.

— Франция. Здесь сложнее. Французы традиционно держат дистанцию от американской технологической политики. Их криптографическая школа сильная и независимая. Но французская разведка была уличена в промышленном шпионаже в пользу французских корпораций. Документально подтверждено. Если мы покупаем французское криптооборудование — мы должны быть уверены, что французская разведка не имеет к нему привилегированного доступа. Такой уверенности у нас нет.

— Италия. Технологически слабее. Не имеет опыта работы с системами государственного масштаба. Высокий риск. Не рекомендую.

— Япония. Технологии первоклассные. Но Япония находится под американским военным зонтиком с 1945 года. На территории страны — тридцать восемь тысяч американских военнослужащих. Американцы имеют рычаги влияния на японский экспорт технологий двойного назначения. Та же проблема, что с британцами.

— Южная Корея. Аналогичная ситуация. Тридцать тысяч американских военнослужащих на территории страны. Зависимость очевидна.

Генерал Аль-Рашид остановился.

В комнате было абсолютно тихо.

— И? — спросил султан.

— И есть ещё один вариант, — сказал генерал. — Который я оставил напоследок намеренно. Не потому, что он слабый. А потому что он требует отдельного разговора.

Часть третья. Математика не имеет гражданства

— Россия, — сказал генерал Аль-Рашид.

Реакция была предсказуемой. Несколько голосов одновременно:

— СССР распался двенадцать лет назад.

— Их промышленность в руинах.

— Они не производят компьютеров.

— Они не производят мобильных телефонов.

— Какая криптография?

Генерал ждал. Он умел ждать — это было его профессиональное качество. Когда голоса утихли, он сказал:

— Всё это правда. Я не буду спорить. Российская промышленность переживает тяжёлый период. Их потребительская электроника — не существует как отрасль. Всё это правда.

Пауза.

— Но я хочу задать один вопрос. И прошу ответить на него честно.

Он снова обвёл взглядом стол.

— Американцы взломали советские шифры? За сорок лет холодной войны — им удалось расшифровать советские правительственные переговоры в реальном времени? Их ядерные коды? Их военные каналы связи?

Молчание.

— Нет, — сказал генерал. — Не удалось. Это документированный факт. АНБ — Агентство национальной безопасности США, лучшая в мире организация по взлому шифров — работало над этим десятилетиями. Потратило миллиарды долларов. Привлекло лучших математиков планеты. Результат — ноль. Советская криптографическая школа оказалась непробиваемой математически.

Он сделал паузу.

— СССР распался. Но математика не распадается вместе с государством. Люди остались. Школа осталась. Алгоритмы остались. А теперь — одна из компаний, созданных этими людьми, сделала нечто, чего раньше не существовало в мире.

— Что именно? — спросил министр финансов.

— Первый в мире криптографический смартфон. Со своей собственной операционной системой. Не на американской платформе. Не на европейской. Своей. С нуля.

— Объясните подробнее, — сказал султан.

Генерал Аль-Рашид кивнул.

— Обычный смартфон — американский, японский, любой — работает на операционной системе, которую вы не контролируете. Android создан Google. iOS создан Apple. Обе компании находятся под американской юрисдикцией. Обе обязаны выполнять требования американских спецслужб. Это не теория — это закон. Если американская разведка хочет прочитать переговоры на американском устройстве — она читает их. Это юридически оформленная реальность.

Он остановился, давая словам время осесть.

— Российская компания создала операционную систему с нуля. Своя математика. Свои алгоритмы шифрования. Своя архитектура. Это означает: ни АНБ, ни ЦРУ не знают внутреннего устройства этой системы. У них нет исходного кода. Нет архитектурных документов. Нет людей, которые проектировали систему и могут создать к ней «задний вход».

— Но российская разведка знает, — сказал министр финансов. Это был не вопрос — утверждение.

— Это вопрос, который нельзя игнорировать, — ответил генерал без паузы. — Я не буду говорить «нет». Я скажу следующее. Россия и США — конкуренты. Россия и наша страна — торговые партнёры без взаимных территориальных претензий. У России нет стратегического интереса дестабилизировать наше правительство. У России есть стратегический интерес продать нам оборудование, получить деньги и получить репутацию. Репутация для них сейчас важнее денег — потому что это единственный экспортный актив в этой сфере. Если окажется, что их оборудование читает ФСБ — они потеряют рынок навсегда.

Пауза.

— Американцы хотят контролировать регион. Для этого им нужна информация. Для этого им выгодно, чтобы наши переговоры были читаемы. Российская компания продаёт нам инструмент защиты именно от этого контроля. Их коммерческий интерес и наш интерес безопасности совпадают. Это не гарантия. Но это логика, которую нельзя игнорировать.

— Crypto AG, — сказал вдруг султан.

Это было не вопросом. Это было напоминанием.

Генерал Аль-Рашид кивнул.

— Да. Именно. Crypto AG — швейцарская компания, основанная в 1952 году. На протяжении десятилетий — самый уважаемый производитель криптографического оборудования в мире. Клиенты — более ста правительств. Символ нейтральности. Символ надёжности.

Он остановился.

— С 1970-х годов компания фактически контролировалась ЦРУ и западногерманской разведкой совместно. Всё оборудование содержало намеренно внедрённые уязвимости. Американская разведка читала зашифрованные переговоры всех покупателей. Десятилетиями. Сотни правительств думали, что защищены. Они были полностью открыты.

Тишина в зале стала другой — плотной, почти физической.

— Официального признания нет, — продолжил генерал. — Его не будет никогда. Но среди профессионалов это не секрет. Это урок. Один из главных уроков в истории разведки.

Он посмотрел на султана.

— Именно поэтому мы здесь. Именно поэтому нельзя ошибиться. Один неправильный выбор — и наши переговоры читают чужие глаза. Годами. Пока мы думаем, что защищены.

Часть четвёртая. Решение

Султан К. встал.

Это был сигнал — все в комнате знали: когда султан встаёт в середине совещания, это не конец разговора. Это переход к решению.

Он подошёл к окну. Долго смотрел на пальмы. На белый песок. На горизонт, за которым в эти минуты горел Багдад.

Потом повернулся.

— Генерал Аль-Рашид. Один вопрос.

— Ваше Величество.

— Если бы это было ваше решение — не моё, ваше — что бы вы сделали?

Генерал не колебался ни секунды.

— Я бы провёл открытый тендер. Честный. С едиными условиями для всех участников. Пусть каждый докажет превосходство своей технологии в равных условиях. Победитель получает контракт. Не тот, кто говорит лучше. Тот, чья система работает лучше.

— Почему открытый?

— Потому что закрытый выбор порождает сомнения. Если мы выберем российскую компанию тихо — через год будут говорить, что был подкуп. Если выберем французскую — что было политическое давление. Открытый тендер с прозрачными условиями — это защита решения. Никто не сможет оспорить результат честного соревнования.

Султан кивнул медленно.

Потом посмотрел на генерала и на министра финансов поочерёдно. Долго. Так, как смотрят на людей, которым доверяют трудную работу.

— Технические и финансовые условия тендера — ваша задача. Оба. Подготовьте. Я утвержу.

Одна фраза. Без деталей. Без инструкций.

Генерал и министр финансов обменялись коротким взглядом — профессиональным, рабочим. Всё было понятно.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — сказал генерал.

Султан снова посмотрел на весь стол.

— Приглашения подготовить в течение сорока восьми часов. Пять компаний. Франция. Италия. Япония. Южная Корея. Россия. Равные условия. Один победитель.

Он сделал шаг к двери. Остановился.

— И каждому участнику — один вопрос. Устно. В присутствии комиссии. Лично.

Пауза.

— *«Может ли американская разведка прочитать то, что зашифровано вашим оборудованием?»*

Если ответ — «нет» и они могут это доказать — они в финале.

Если ответ — «да» или «мы не знаем» — до свидания. Без обсуждений.

Он вышел.

Эпилог пролога. Сорок восемь часов спустя

Пять конвертов вышли из столицы в один день.

Париж. Рим. Токио. Сеул.

И Москва.

Каждый конверт — одинаковый. Плотная бумага кремового цвета. Государственная печать. Арабская вязь и английский текст параллельно.

Внутри — условия тендера, подготовленные генералом Аль-Рашидом и министром финансов. Утверждённые лично султаном. Без единой правки — он вернул документ с одной резолюцией в нижнем углу: *«Принято»*.

И одна сопроводительная фраза — одинаковая в каждом конверте, написанная от имени генерала Аль-Рашида, но продиктованная лично султаном:

«Его Величество ожидает не коммерческого предложения.

Его Величество ожидает доказательства.

Разница между этими двумя вещами — и есть критерий отбора»

В Москве конверт получили через семь дней.

Человек, который его открыл, прочитал сопроводительную фразу дважды.

Потом усмехнулся.

Потом позвонил своему техническому директору.

— Собирай команду, — сказал он. — Нам наконец дали шанс показать, что мы умеем.

— Когда вылетаем?

Пауза.

— Как только я решу, что брать с собой.

Он положил трубку и посмотрел в окно.

За окном была Москва. Март. Серое небо. Последний снег на крышах.

Ничего общего с белым песком и финиковыми пальмами.

Но математика — одна и та же везде.

И он это знал лучше, чем кто-либо другой за этим тендерным столом.

Его звали Анатолий Клепов.

Доктор технических наук.

Шестьдесят четыре страны.

ГЛАВА 1

Часть первая

Цена вопроса

Генерал Аль-Рашид не спал третью ночь подряд.
Не потому, что не мог. Потому что не позволял себе.

Четыре миллиона долларов — это была официальная цифра контракта. Та, которую можно было произнести вслух на заседании комиссии, занести в протокол, передать в министерство финансов с сопроводительной запиской на двух страницах. Но генерал знал настоящую цену. Не в долларах.

Если система даст сбой — враг будет слышать каждое слово, произнесённое в самых защищённых кабинетах страны. Если в системе окажется закладка — иностранная разведка получит прямой канал в сердце государства. Если криптография окажется слабой — всё, что было сказано за десять лет, станет открытым текстом.

Настоящая цена контракта не измерялась деньгами.

Именно поэтому генерал не спал.

Он сидел в пустом зале поздно вечером накануне последнего дня тендера. Единственный свет — лампа у стола. Резкий, направленный, дающий тень. Перед ним — папки с результатами предыдущих четырёх дней. Пять папок. Пять стран.

Италия.

Генерал открыл первую папку. Закрыл. Не нужно было перечитывать — он помнил. Восемьдесят метров. Восемьдесят метров — длина дворцового сада. На таком расстоянии итальянское оборудование читалось как открытая книга. Феррари что-то говорил про будущее и про свободу. Комиссия молчала. Это была другая свобода.

Германия.

Брандт был честен — редкое качество на тендерах. AES-256, сказал он. Международный стандарт. Генерал ответил: разработанный АНБ. Брандт не нашёл что возразить. Немец, который не находит что возразить — это не немец, который согласен. Это немец, который понимает, что проиграл.

Великобритания.

Хоторн говорил про Энигму и Тьюринга. Про Блетчли-парк. Про восемьдесят лет назад. Генерал подождал пока он закончит, а потом сказал: это было восемьдесят лет назад. Британская непринуждённость дала трещину — маленькую, почти незаметную. Но трещину.

Япония.

Уровень А на стационарном терминале. Профессор Наср кивал долго — он никогда так не кивал. А потом — дисплей. Пятнадцать метров. Ямамото сказал: нам нужно восемь месяцев. Генерал ответил: мы можем дать три недели. Оба понимали, что это не переговоры.

Он закрыл последнюю папку.

Четыре дня. Четыре страны. Четыре провала разной степени качества — технически грамотные, профессионально оформленные, достойно представленные. Но провалы.

Завтра — Россия.

Генерал посмотрел на часы. Три часа ночи. За окном — пустой двор дворца. Двое охранников у ворот. Пальмы в свете фонарей. Тишина такая, что слышно, как где-то далеко работает кондиционер.

Он встал. Подошёл к окну.

Двадцать лет в армии. Несколько войн — не в штабе, в поле. Он знал, что такое цена ошибки. Не в абстрактном смысле — в том смысле, когда ты видишь её лицо и помнишь его.

Пятьдесят миллионов долларов.

Он почти смеялся над этой цифрой. Не потому, что она была маленькой. Потому что она была неправильной единицей измерения для того, о чём шла речь.

Он открыл папку с российским досье. Прочитал снова — хотя знал наизусть.

Компания небольшая. Не корпорация-гигант, не государственная структура с тысячами сотрудников. Частная. Профиль — криптография и защищённые коммуникации. Криптоалгоритм — собственная разработка.

Он остановился на следующей строке. Как останавливался каждый раз.

Сертифицирован правительством Швеции.

И правительством ЮАР.

Два независимых правительства. Два разных континента. Два независимых математических экспертизы. Два вывода — одинаковых.

Он читал это трижды за неделю. Трижды останавливался на этом месте. И каждый раз думал одно и то же: ни итальянцы, ни немцы, ни британцы, ни японцы не имели этого. Никто в мире не имел этого.

Положил лист. Потушил лампу. Сидел в темноте.

За окном — та же тишина. Те же пальмы. Те же двое у ворот. Абу-Даби спал — огромный, белый, выстроенный из нефти и воли, город, который не знал, что значит не иметь достаточно денег для того чего хочешь.

Но деньги здесь были ни при чём.

Генерал думал о человеке из досье. Анатолий Клепов. Небольшая частная компания. Незначительный публичный след. Зато — два правительства на двух континентах, которые прочитали его математику и сказали: это верно.

Кто делает так? Кто тратит годы и деньги на сертификацию, которая не нужна для продажи, которую никто не требовал, которая стоила значительно дороже чем один выигранный тендер?

Человек, которому есть что доказывать — или человек, которому важно чтобы было доказано?

Разница между этими двумя вещами была огромной.

Генерал умел её видеть. Двадцать лет в армии давали это умение даром — или не давали вовсе. Промежутка не было.

— Если и эти не смогут, — сказал он вслух, в темноту, — мы начнём всё заново.

Тишина не ответила.

Он сидел ещё несколько минут. Потом встал, одёрнул мундир — старая привычка, независимо от того есть кто-нибудь рядом или нет — и вышел из зала.

Охранник у двери встал. Генерал кивнул ему не глядя.

Коридор. Лестница. Ночной воздух снаружи — тёплый, неподвижный, пахнущий морем и раскалённым камнем, который остывает медленно.

Он шёл к своей машине и думал только об одном.

Завтра.

Часть вторая

.

Итальянцы

Они вошли как врываются на сцену.

Их было пятеро — и каждый из пятерых заполнял пространство так, словно специально тренировался занимать больше места, чем положено одному человеку. Руководитель делегации — невысокий, подвижный, с руками, которые никогда не останавливались — говорил ещё в дверях, до того, как сел. Его звали Марко Феррари, и это имя, казалось, было дано ему судьбой

намеренно — столько же энергии, столько же шума, столько же итальянской уверенности в собственном совершенстве.

— Господа, — сказал он, не дожидаясь приглашения, расставляя проектор и одновременно пожимая руки, и одновременно раскладывая папки, — вы сделали правильный выбор, пригласив нас. Я скажу вам честно — вы могли пригласить только нас. Но мы понимаем протокол.

Переводчик едва успевал.

Генерал Аль-Рашид сидел во главе стола с видом человека, у которого впереди длинный день и он это знал с утра. Рядом — профессор Наср с карандашом и чистым блокнотом. Технический директор с блокнотом уже открытым. Представитель министерства финансов с телефоном, который он убрал в карман, когда вошли итальянцы — убрал демонстративно, что само по себе было жестом вежливости, которую он собирался поддерживать ровно столько, сколько потребует протокол.

Феррари говорил так как поют — с подъёмами и спадами, с паузами в нужных местах, с тем особым итальянским умением превращать любое техническое сообщение в нечто похожее на объяснение в любви. Он любил свой продукт. Это было видно. Возможно, он любил его даже искренне.

Презентация была великолепна. Это нужно было признать честно — итальянцы умели делать красивое. Слайды, схемы, трёхмерные визуализации системы, видеоролик с довольными клиентами в трёх странах. Феррари говорил как дирижёр — то тише, то громче, то делал паузу именно там, где должен был прозвучать аплодисмент.

Пауза повисала в воздухе.

Аплодисментов не было.

Феррари пауз не замечал и шёл дальше.

Профессор Наср смотрел на всё это с выражением человека, которого попросили оценить оперную постановку, тогда как его интересовала акустика зала. Он не делал заметок. Это само по себе говорило о многом — профессор Наср делал заметки всегда. Когда он не делал заметок, это означало что записывать нечего.

На сорок пятой минуте технический директор поднял руку.

— Ключевой генератор. Архитектура.

Феррари улыбнулся — широко, уверенно, с тем итальянским обаянием, которое умеет превращать любой вопрос в комплимент.

— Программная генерация! Сертифицированный алгоритм, международный стандарт, гибкость, возможность обновления через защищённый канал — это, господа, будущее! Зачем ограничивать себя железом, когда программа даёт свободу?

— Программная, — повторил технический директор.

Без интонации. Как диагноз.

Феррари на секунду остановился — первый раз за сорок пять минут. Что-то в тоне технического директора было такое, что остановило даже его. Не слово. Тон. Тон человека, который получил ответ на вопрос, который ещё не задавал — и ответ оказался именно таким каким он боялся, что будет.

— Да, программная, но —

— Следующий вопрос, — сказал технический директор и закрыл блокнот.

Феррари посмотрел на него. Потом на генерала. Потом снова на технического директора. Открыл рот. Закрыл.

Это был, пожалуй, первый момент за сорок пять минут, когда Марко Феррари не знал, что сказать.

Профессор Наср начал расставлять приборы.

Он работал методично, без спешки, с той точностью человека, который делал это тысячи раз и каждый раз — одинаково хорошо. Антенны. Кабели. Измерительный блок. Калибровка. Итальянцы наблюдали — с разной степенью понимания, что именно происходит.

Феррари, надо отдать ему должное, не терял присутствия духа. Пока профессор Наср расставлял оборудование, он попытался продолжить презентацию — перешёл к следующему слайду, начал говорить о клиентах в Европе, о наградах на выставках, о партнёрстве с тремя правительствами.

Никто его не слушал.

Тестирование заняло сорок минут.

Профессор Наср работал в абсолютной тишине — он попросил её в самом начале одним коротким жестом и получил. Даже Феррари замолчал. Измерения. Записи. Снова измерения. Смена расстояния. Снова записи.

В какой-то момент профессор Наср остановился. Посмотрел на прибор. Взял блокнот. Записал цифру. Посмотрел на неё. Вычеркнул.

Написал снова.

Это привлекло внимание всех. Профессор Наср вычеркнул цифру и написал снова — это значило что цифра показалась ему неправдоподобной. Не в хорошем смысле.

Генерал Аль-Рашид чуть подался вперёд.

— Восемьдесят метров, — сказал профессор Наср тихо. Не Феррари. Не комиссии. Как будто самому себе — проверяя звук, убеждаясь, что слово существует.

Восемьдесят метров.

Генерал смотрел на эту цифру, которую профессор написал на листе и повернул к нему. Долго смотрел.

Восемьдесят метров — это длина дворцового сада.

Он знал этот сад. Ходил по нему каждое утро. Считал шаги — старая военная привычка, тело считает само. Восемьдесят метров от стены до ворот. Восемьдесят метров от окна совещательного зала до улицы.

Человек с антенной за воротами. Ноутбук в машине. Кофе в термосе. И — каждое слово, произнесённое в защищённом зале.

— Господин Феррари, — сказал генерал наконец. Голос ровный. Без эмоций. Именно такой голос бывает, когда эмоции есть, но их не показывают. — Мы благодарим итальянскую сторону.

Феррари открыл рот.

По всей видимости, у него была речь — длинная, убедительная, с жестами и с апелляцией к клиентам в трёх странах. Может быть, он собирался объяснить, что восемьдесят метров — это не так много, что процедуры безопасности, что стандарты НАТО, что в конце концов ни одна система не является абсолютно совершенной.

Но что-то в лице генерала эту речь остановило.

Не слова. Лицо.

Итальянцы собирали оборудование молча. Впервые — молча. Феррари укладывал кабели с тем же профессиональным автоматизмом, что и разворачивал, но что-то в его движениях изменилось. Не торопился. Не заполнял тишину. Просто собирал.

У дверей он остановился. Обернулся.

— Если вас интересует модификация с аппаратным генератором, — сказал он. Тихо. Без прежнего напора. — Мы можем подготовить предложение.

— Спасибо, — сказал генерал.

Это был вежливый способ сказать нет.

Феррари понял. Кивнул. Вышел.

Дверь закрылась.

В комнате установилась тишина. Профессор Наср складывал свои приборы — медленно, тщательно. Технический директор открыл блокнот. Написал одно слово. Закрыл.

Генерал Аль-Рашид смотрел в окно.

Дворцовый сад. Пальмы. Восемьдесят метров от стены до ворот.

Завтра — немцы.

Часть третья

.

Немцы

Немцы пришли на следующий день ровно в девять утра.

Не в девять ноль одну. Не в восемь пятьдесят девять. В девять ноль ноль — и это было сообщением само по себе, ещё до того, как они открыли рот.

Их было трое — и троих было достаточно. Они не занимали лишнего пространства. Они его заполняли — спокойно, методично, как заполняют форму: каждое поле на своём месте, ничего лишнего, ничего недостающего.

Руководитель делегации — Хельмут Брандт. Пятьдесят лет. Седые виски. Лицо человека, который давно перестал доказывать что-либо кому-либо — не потому, что сдался, а потому что понял: доказывать нужно работой, а не словами. Костюм серый, безупречный. Речь — без украшений, без пауз для аплодисментов, без итальянских взлётов и падений. Просто факты. Факт, факт, факт.

Они пришли с ощущением людей, которые знают результат заранее.

Не потому, что были самонадеянны. Потому что были немцами — а немецкая инженерия в области защищённых коммуникаций имела репутацию, которую не нужно было защищать словами. Её защищали десятилетия работы.

— Я знаю, что перед нами здесь выступали, — сказал Брандт, усаживаясь. Без вступления. Без светской беседы. — Я не буду комментировать их решения. Скажу только одно.

Он положил папку на стол. Одну. Тонкую.

— Программная генерация ключей — это не решение для систем класса, который вас интересует. Это мы знали двадцать лет назад. Если кто-то сегодня предлагает вам программную генерацию как преимущество — он либо не понимает предмета, либо рассчитывает, что вы не понимаете.

Технический директор чуть приподнял бровь.

Это был комплимент — немецкий, сдержанный, выраженный в форме нападения на конкурента, но вполне читаемый. Брандт говорил с людьми как с равными. Это чувствовалось.

Презентация была точной как чертёж. Никакой анимации, никаких видеороликов, никаких клиентов с довольными лицами. Схемы. Таблицы. Характеристики с тремя знаками после запятой. Хельмут Брандт говорил ровно — и в этой ровности чувствовалась сила человека, которому незачем повышать голос, потому что сказанное верно само по себе.

Профессор Наср делал заметки. Много заметок. Это было заметно — он делал заметки иначе чем вчера. Не записывал. Думал на бумаге.

Аппаратный генератор — да. Шифрование аппаратное на всех уровнях — да. Покрытие тысячи абонентов — да. Стационарный терминал, мобильное устройство, интеграция с существующей инфраструктурой — всё присутствовало, всё было задокументировано, всё подкреплено техническими спецификациями, которые не оставляли места для красивых слов, потому что красивые слова некуда было вставить.

Вопросы шли плотно. Брандт отвечал быстро — не потому, что торопился, а потому что знал ответы. Все ответы. Технический директор переставал писать только когда задавал следующий вопрос.

Профессор Наср расставил приборы с видом человека, который ожидает хороших новостей.

Новости были хорошими.

Стационарный терминал — уровень Б. Лучший результат за все дни тендера до этого момента. Профессор Наср кивнул — один раз. Коротко. Для него это было много.

Брандт принял кивок как должное. Именно так — как должное. Он знал, что его оборудование пройдёт этот тест. Знал, когда садился в самолёт в Мюнхене. Знал, когда его инженеры собирали оборудование три года назад. Некоторые вещи знаешь просто потому, что сделал правильно.

Проблема возникла на криптоалгоритме.

— Основа — AES-256 с модификациями, — сказал технический директор. Не вопрос. Констатация.

— Международный стандарт, — сказал Брандт.

— Разработанный АНБ.

Пауза.

Первая пауза за всю немецкую презентацию. Значимая пауза. Та которая бывает, когда человек не возражает немедленно — не потому, что не может, а потому что понимает, что возражение будет недостаточным.

— Математически — алгоритм открыт, проверен мировым криптографическим сообществом, — сказал Брандт. — Никаких закладок не обнаружено за двадцать лет.

— За двадцать лет, которые нам известны, — сказал технический директор.

Брандт смотрел на него. Генерал смотрел на Брандта. Профессор Наср смотрел в стол — с выражением человека который мог бы многое сказать по этому поводу, но не скажет, потому что это не его роль.

— Есть ли в вашей системе криптоалгоритм, разработанный независимо от американских структур? — спросил генерал.

— Нет, — сказал Брандт.

Без обиняков. По-немецки честно. Это тоже была форма уважения — не искать слова, не смягчать, не объяснять. Просто сказать правду.

— Есть ли возможность заменить алгоритм?

— Восемь месяцев и дополнительный бюджет.

Генерал кивнул.

Брандт собрал материалы так же методично как раскладывал. Каждая папка на своё место. Каждый кабель в свой отсек. Встал. Застегнул портфель — один щелчок замка, чёткий и окончательный.

— Если ваши требования изменятся, — сказал он, стоя у стола, — мы готовы вернуться. Это был немецкий способ сказать: мы считаем ваши требования избыточными, но уважаем ваше право их предъявлять. И мы здесь, когда вы поймёте, что были неправы.

Вышли точно по расписанию.

Генерал Аль-Рашид смотрел на закрытую дверь.

Немцы были сильны. Это нужно было признать честно. Лучший TEMPEST-результат на сегодняшний день. Безупречная документация. Честные ответы — включая честный ответ на вопрос, который им не понравился.

Но АНБ.

Это было не паранойей. Это было арифметикой. Разведки мира работают не из любви к искусству — они работают с инструментами, которые дают результат. Если ты разработал алгоритм и этот алгоритм стал мировым стандартом — ты знаешь о нём то, чего не знает никто. Двадцать лет без обнаруженных закладок означало только одно: двадцать лет без обнаруженных закладок.

Генерал встал. Подошёл к окну.

Послезавтра — британцы.

Часть четвёртая

Британцы

Британцев было четверо.

Они вошли с той особой английской непринуждённостью, которая на самом деле является тщательно отрететированной формой превосходства. Не агрессивного. Мягкого. Того превосходства, которое не нужно демонстрировать — оно просто есть, оно разлито в воздухе, оно предполагается как данность, которую воспитанный человек не будет оспаривать.

Руководитель — высокий, в безупречном костюме, с галстуком цвета британского флага. Случайность, в которую верилось с трудом. Его звали Джеймс Хоторн, и он пожал руки комиссии с видом человека, делающего одолжение — не намеренно, не демонстративно. Просто иначе он не умел.

— Позвольте небольшое историческое замечание, — сказал он, устраиваясь на стуле с той свободой, которая бывает, когда человек чувствует себя хозяином в любом помещении. — Британская криптография имеет традицию, которую трудно переоценить. Блетчли-парк. Энигма. Алан Тьюринг. Мы не просто работаем в этой области — мы её создали.

Профессор Наср поднял голову. Посмотрел на Хоторна с выражением, которое сложно было описать точно — не возражение, не согласие, скорее желание уточнить несколько деталей исторического характера. Но он промолчал. Это был не его вопрос.

— Техническая презентация, — сказал генерал.

Хоторн улыбнулся — чуть снисходительно, как улыбаются люди, которых перебили на важном месте, но которые прощают это собеседнику, потому что собеседник не обязан понимать, насколько важным было это место.

Техническая часть была сильной. Нужно было отдать должное — британцы знали предмет. Система была продумана. Документация — образцовая. Аппаратный генератор — да, аппаратный. Шифрование голоса реализовано. Тысяча абонентов покрывается. Хоторн отвечал на вопросы с той уверенностью, которая граничит с нетерпением — ответ был готов ещё до конца вопроса, и это чувствовалось.

Профессор Наср начал тестирование.

Стационарный терминал — уровень Б. Хорошо. Не блестяще.

Мобильное устройство.

Профессор Наср взял его. Начал измерять. Отошёл на десять метров. Записал. Отошёл на двадцать. Записал. На двадцати пяти остановился. Смотрел на прибор. Сделал шаг назад. Ещё один. Тридцать метров.

— Тридцать метров, — сказал он тихо.

Хоторн не изменился в лице.

— Мобильное устройство в полевых условиях, — сказал он, — работает в ситуациях где тридцать метров периметра безопасности обеспечивается стандартными процедурами.

— Наши полевые условия, — сказал генерал ровно, — иногда не предполагают тридцати метров периметра.

— Это вопрос оперативных протоколов, а не технического решения.

Генерал смотрел на Хоторна несколько секунд. С тем выражением, которое у другого человека могло бы сопровождаться улыбкой. У генерала Аль-Рашида — нет.

— Криптоалгоритм, — сказал технический директор. — Независимая разработка или на основе существующих стандартов?

— Наш алгоритм основан на стандарте GCHQ и развивает лучшие традиции британской

— GCHQ, — сказал технический директор. — Британская разведка.

— Правительственный центр коммуникаций, да. Один из наиболее авторитетных в мире.

— Авторитетных для British intelligence, — сказал технический директор. — Нам нужен алгоритм авторитетный для нас.

Хоторн открыл рот.

— Мы взломали Энигму, — начал он.

— Это было восемьдесят лет назад, — сказал генерал.

Тишина.

Британская непринуждённость дала трещину. Совсем маленькую — почти незаметную. Но трещину. Хоторн смотрел на генерала с выражением человека, который только что осознал, что комната в которой он находится не является его домашней территорией. Осознал — и не нашёл немедленного ответа на это открытие.

Собирали оборудование с достоинством.

У дверей Хоторн обернулся — так же как Феррари, так же как Брандт. Как будто этот жест был обязательным в данном жанре.

— Вы знаете где нас найти, — сказал он.

В отличие от немцев — это была не готовность вернуться. Это было напоминание о том, что британцы существуют и будут существовать независимо от результата данного тендера. Разница тонкая, но она была.

Ушли.

Профессор Наср сидел неподвижно и смотрел в свои записи.

— GCHQ, — сказал он наконец. Тихо. Не комментарий. Просто — произнёс слово ещё раз, как будто хотел убедиться, что оно значит именно то, что значит.

Генерал ничего не сказал.

Послезавтра — японцы.

Часть пятая

.

Японцы

Японцы вошли тихо.

Их было трое. Они поклонились у дверей — синхронно, с одинаковым углом наклона, с той точностью, которая у японских инженеров не является церемонией, а является натурой. Сели. Разложили материалы — без спешки, без суеты, каждый предмет точно на своё место, как будто стол был размечен невидимой сеткой, и каждая папка знала свою клетку.

Руководитель делегации — пожилой инженер Такаши Ямамото. Говорил медленно и очень точно. Не потому, что плохо владел английским. Потому что думал прежде, чем говорить — каждое слово, каждую фразу. Пауза у него была не признаком неуверенности. Пауза была частью речи.

Они знали.

Это стало понятно с первых минут. Японцы провели разведку — тщательную, профессиональную. Они знали кто участвовал до них. Знали результаты — не официальные, но косвенные признаки читались если умел читать. Знали, что итальянцы провалились на первом техническом вопросе, немцы споткнулись на алгоритме, британцы — на TEMPEST и на собственной самонадеянности.

И они знали кто идёт после них.

Русские.

Ямамото ни разу не произнёс это слово. Но оно присутствовало в зале — как пятый участник делегации, невидимый, молчаливый, занимающий своё место за столом.

Презентация была образцом японской точности. Каждый слайд — ровно то что нужно, ни словом больше. Характеристики выверены. Система покрывала все требования технического задания — не с запасом, не с украшениями, а точно. Аппаратный генератор на основе

квантового шума — технически это был лучший ответ на вопрос о генерации который комиссия слышала за все дни.

Технический директор оживился — впервые за несколько дней по-настоящему. Стал задавать вопросы иначе — не проверяя, а уточняя. Это разница.

Профессор Наср начал тестирование.

Стационарный терминал.

Профессор Наср остановился. Посмотрел на прибор. Проверил калибровку — не потому, что сомневался в приборе, потому что не доверял цифре. Снял показание снова.

Уровень А.

Он повернулся к Ямамото.

И сделал то, чего не делал за все предыдущие дни. Поклонился — медленно, глубоко. Не японским протокольным поклоном вежливости. Поклоном от одного специалиста другому. Тем который говорит: я понимаю, что вы сделали, и понимаю, как это трудно было сделать.

Ямамото ответил поклоном — чуть глубже.

За столом переглянулись. Представитель министерства финансов отложил ручку. Технический директор перестал писать.

Профессор Наср никогда так не делал.

За всю свою профессиональную жизнь в этом зале — никогда.

Потом — мобильное устройство.

Профессор Наср взял смартфон. Начал измерять. Лицо его оставалось непроницаемым — таким оно было всегда во время тестирования, таким было инструментом, а не человеком. Но рука с карандашом над блокнотом замерла.

— Дисплей, — сказал он тихо.

Один из японских инженеров — молодой, с аккуратными очками — едва заметно опустил голову. Совсем чуть-чуть. Ровно настолько чтобы было заметно если знать куда смотреть.

Профессор Наср продолжал измерять. Отходил. Записывал. Возвращался. Снова.

— Пятнадцать метров, — сказал он наконец.

В комнате стало очень тихо.

Той особой тишиной, которая бывает, когда хорошие люди слышат плохие новости. Не катастрофа. Но — плохие новости. От людей, которые не заслуживали плохих новостей.

Ямамото не изменился в лице.

— Мы знаем об этой проблеме, — сказал он. Ровно. Без оправданий. — Мы работаем над решением. Нам нужно восемь месяцев.

— Восемь месяцев, — повторил генерал.

— Да.

Пауза.

— Мы можем дать вам три недели.

Ямамото выслушал. Помолчал. Он понимал, что три недели — это не контрпредложение. Это вежливый отказ. Сформулированный так, чтобы обе стороны могли сохранить достоинство. Японцы умели ценить именно это.

— Мы понимаем, — сказал он.

Два слова. Без лишнего. Без попытки переубедить, без апелляции к уровню А на стационарном терминале, без напоминания о квантовом генераторе. Ямамото был достаточно опытным человеком, чтобы знать — когда решение принято, слова только уменьшают достоинство того кто их произносит.

Японцы собирали оборудование молча — методично, без спешки. Каждый предмет туда откуда был взят. Невидимая сетка на столе работала в обратном порядке так же точно, как в прямом.

Поклонились на выходе — с тем же углом наклона, с которым вошли.

Дверь закрылась.

Профессор Наср смотрел на свои записи.

Долго.

Потом поднял голову.

— Лучшие из четырёх, — сказал он тихо. — Уровень А на стационарном. Квантовый генератор — правильное решение. Документация — безупречна. Люди — настоящие специалисты.

Пауза.

— Но проблема дисплея не решена.

— И завтра — русские, — сказал технический директор.

Генерал Аль-Рашид молчал.

Смотрел на папки перед собой. Четыре дня. Четыре страны. Четыре провала разной степени качества — от итальянского восемьдесят метров до японского уровня А с одним нерешённым вопросом.

Профессор Наср сказал это слово три дня назад. Нерешённая. Ни одной компанией в мире. Он сказал это про дисплей — спокойно, как констатацию факта, без интонации, которая предполагала бы что это когда-нибудь изменится.

Генерал встал.

— До завтра, — сказал он.

Вышел.

За окном зала тянулся дворцовый сад. Пальмы. Восемьдесят метров от стены до ворот. Пятьдесят миллионов долларов лежали на столе — и никто пока не был достоин их взять.

Часть шестая. Ночь перед

Генерал Аль-Рашид вернулся в пустой зал в одиннадцать вечера.

Охранник у двери встал — генерал остановил его жестом. Не нужно. Просто открой.

Вошёл. Не зажигал яркий свет — только лампу у стола. Тот же резкий направленный свет что был в первую ночь. Тот же пустой зал. Те же папки — теперь их было четыре, выстроенные в ряд, одна к одной.

Он сел.

Не открывал папки. Просто сидел.

Думал о профессоре Насре. О том как тот поклонился японцам. За двадцать лет совместной работы — а они работали вместе двадцать лет, с того момента когда генерал был ещё полковником и профессор Наср был моложе на двадцать лет и злее на двадцать процентов — он не видел этого. Профессор Наср кивал. Иногда — редко — делал жест рукой который означал одобрение. Поклон был чем-то другим.

Что нужно было сделать чтобы профессор Наср поклонился?

Он думал об этом.

Потом достал российское досье.

Читал медленно. Не торопился — ночь была длинной и никуда не девалась. Компания. История. Люди. Клепов — основатель, руководитель, главный инженер в одном лице. Редкая конфигурация. Обычно люди, которые умеют строить компании не умеют делать математику, и наоборот. Редко — и то и другое вместе.

Криптоалгоритм — собственная разработка.

Швеция. ЮАР.

Он снова остановился на этих двух словах. Снова подумал о том же, что думал три дня назад. Почему два? Одного было бы достаточно для любого коммерческого тендера. Одного было бы достаточно, чтобы выделиться. Зачем второй?

Зачем тратить годы и значительные деньги на сертификацию, которую никто не требовал?

Два варианта.

Первый — человек, который хочет продать и понимает, что второй сертификат увеличивает цену продукта. Коммерческая логика.

Второй — человек, которому важно чтобы это было доказано. Не ради продажи. Ради самого доказательства. Потому что он сам хочет знать, что сделал правильно — и хочет, чтобы это было подтверждено людьми, которые не имеют причин говорить неправду.

Разница между этими двумя вариантами — огромная. Первый продаёт продукт. Второй делает дело.

Генерал поднял голову. Посмотрел в темноту зала.

За двадцать лет он научился одному — не тому, чему учат в академии, не тому, что написано в уставах. Научился читать намерение. Не слова. Не документы. Не репутацию. Намерение — то, что стоит за всем этим и определяет всё это.

Итальянцы хотели денег. Это читалось в каждом жесте Феррари — в том, как он говорил о клиентах, о наградах, о партнёрстве. Деньги были двигателем, деньги были смыслом, деньги были финалом истории.

Немцы хотели репутации. Брандт был честен — но честность его была выверена. Он знал, что честность продаёт лучше красивых слов, в долгосрочной перспективе. Это тоже было коммерческой логикой — более тонкой, более немецкой, но коммерческой.

Британцы хотели подтвердить своё превосходство. Хоторн говорил про Блетчли-парк не потому что это было важно для технического задания. Потому что это было важно для него —

для его картины мира, в которой британцы всегда были первыми в этой области и всегда будут первыми, и любой контракт подтверждает эту истину.

Японцы хотели рынка. Чисто, профессионально, без лишних слов. Рынок Ближнего Востока — серьёзный рынок. Японцы думали стратегически и работали безупречно.

А этот человек — Клеопов — чего хотел он?

Досье не давало ответа. Досье давало факты — компания, история, сертификаты, технические характеристики. Факты ни о чём не говорили. Факты никогда не говорят о намерении.

Генерал закрыл папку.

Встал. Подошёл к окну.

Дворцовый сад. Пальмы в свете фонарей. Двое охранников у ворот — неподвижные, терпеливые, привыкшие к ночам, которые тянутся долго.

— Завтра, — сказал генерал вслух.

И на этот раз в слове было что-то чего не было в предыдущие ночи. Не усталость ожидания. Что-то похожее на любопытство.

Он давно не испытывал любопытства перед встречей.

Это само по себе было информацией.

Часть седьмая

.

Клеопов

Они вошли в восемь утра — точно.

Анатолий Клеопов шёл первым. И первое что заметил генерал Аль-Рашид — этот человек не занимает лишнего пространства. Не итальянская экспансия. Не британская демонстрация. Не немецкая методичность. Просто — вошёл. Поставил два кофра из авиационного алюминия у стены. Кожаный портфель — перед собой на стол.

Сел.

Рост средний. Костюм ручной работы — это было видно не по цене, а по посадке, по тому, как ткань лежала на плечах, как будто сшита не для типового силуэта, а для этого конкретного человека. Ботинки под стать — из тех, что не покупают каждый сезон, а носят годами и следят. На запястье — швейцарские часы, золотые, с чистым циферблатом без лишних деталей. Подарок принца — это генерал знал из досье. За работу, сделанную десять лет назад. За какую именно работу — досье не уточняло, но сам факт говорил достаточно.

На носу — очки. Оправа золотая, тонкая. Стёкла из тех, что заказывают у оптиков, которые работают не для массового рынка. Очки, которые стоят как хороший автомобиль — но выглядят просто. Очень просто.

За Клеоповым вошли трое. Молодые, около тридцати. Костюмы хорошо подобранные — не корпоративная униформа, а одежда людей, которые понимают разницу. Держались спокойно. Уверенность без демонстрации — тот редкий вид уверенности, который возникает не от должности и не от костюма, а от того, что человек знает своё дело лучше большинства людей в комнате и знает это без необходимости кому-то доказывать.

Они сели.

Клеопов не открывал портфель. Не раскладывал материалы. Не включал ноутбук. Не смотрел на экран — экрана не было, он не привёз проектора.

Просто смотрел на комиссию.

Генерал Аль-Рашид поймал себя на мысли: за пять дней тендера никто ещё так не молчал в этом зале. Итальянцы говорили не останавливаясь. Немцы сразу разложили документы. Британцы начали с истории. Японцы — с поклоном. Все заполняли пространство чем-то.

Этот — молчал.

И в этом молчании было что-то что заставляло слушать. Ещё до того, как он открыл рот.

Профессор Наср заметил это тоже — генерал видел. Профессор поднял голову от блокнота. Посмотрел на Клеопова. Опустил карандаш. Тихо, без звука. И стал смотреть — тем своим взглядом, которым смотрел на прибор, когда ждал показания.

— Я знаю что вы спросите первым, — сказал Клеопов наконец. — Дисплей.

В комнате стало тихо.

Не та тишина ожидания, которая была всю неделю. Другая. Та которая бывает, когда человек называет вопрос, который ты ещё не задал — и называет его точно.

— Вчера японцы дали лучший результат за все дни тендера, — продолжал Клеопов. Голос ровный, негромкий. — Уровень А на стационарном терминале. Квантовый генератор. Они хорошие инженеры. И они провалились на дисплее мобильного устройства. Пятнадцать метров.

Генерал смотрел на него.

— Вы это знали, — сказал генерал. Не вопрос.

— Да.

— Откуда?

— Я слушал, — сказал Клеопов просто. — Люди, которые приходят на такие тендеры — они разговаривают. В гостиницах, в ресторанах, в аэропортах. Японцы — меньше других. Но достаточно.

Пауза.

— Дисплей — главный излучатель в мобильном устройстве, — продолжал он. — Известная проблема. Нерешённая ни одной компанией в мире.

Он сделал паузу — ту паузу, которую делают, когда следующее слово важно и торопить его не нужно.

— До нас.

Открыл первый кофр. Достал смартфон — чуть толще стандартного, чуть тяжелее. Поставил на стол перед комиссией. Отошёл. Сел.

Смотрел на комиссию.

— Специальный криптографический режим вывода информации через дисплей, — сказал он. — Собственная разработка. Математику — в технический час. Сейчас — результат.

Пауза.

— Зона излучения дисплея — нулевая.

Тишина.

Не та тишина, когда ждут продолжения. Та тишина, когда услышанное нужно осмыслить — потому что оно противоречит тому, что ты знал как факт. Нерешённая проблема. Ни одной компанией. В мире.

Профессор Наср медленно снял очки.

Положил на стол перед собой.

Не протирал. Не складывал. Просто положил. Смотрел на смартфон — без очков, с расстояния человека, который хочет видеть предмет, а не линзы.

Технический директор перестал писать.

Представитель министерства финансов — человек, который за пять дней ни разу не отреагировал на технические детали никак кроме как записью цифр в свой блокнот — смотрел на смартфон, с выражением которого от него не ожидали.

— Нулевая, — повторил профессор Наср.

Не вопрос. Проверка звука. Как будто слово могло оказаться другим если произнести его вслух.

— Нулевая, — сказал Клеопов. — Проверьте.

Профессор Наср надел очки. Встал. Открыл свои чемоданы.

Часть восьмая

Два часа

Профессор Наср работал молча.

Абсолютно молча — ни одного слова, ни одного комментария, ни одного звука кроме щелчков оборудования и тихого шороха записей. Это было его рабочее состояние — он входил в него как входят в воду, полностью, без остатка. Снаружи оставалось только тело, которое двигалось методично и точно. Всё остальное было внутри, там, где шла настоящая работа.

Антенны на разных расстояниях. Замер. Запись. Смена позиции. Снова.

Стационарный терминал — уровень А. Профессор записал. Не прореагировал. Продолжил. Уровень А был хорошим результатом — японцы тоже дали уровень А. Это ничего не решало. Это только подтверждало, что люди перед ним умеют делать стационарное оборудование. Умеют многие.

Смартфон.

Профессор взял его в руки. Подержал. Чуть тяжелее обычного — это он почувствовал сразу. Толще на несколько миллиметров. Там было что-то внутри чего нет в обычном смартфоне. Железо или схема — он узнает позже.

Начал измерять.

Десять метров. Прибор показывал фон — обычный электромагнитный фон помещения. Ничего сверх.

Пять метров. То же самое.

Два метра.

Профессор Наср остановился. Посмотрел на прибор. Взял второй — другого производителя, другой принцип измерения. Повторил.

То же самое.

Один метр. Тридцать сантиметров. Он поднёс антенну вплотную к экрану работающего смартфона — экран светился, на нём был открытый текст, буквы, слова — и прибор показывал фон. Обычный фон. Как будто экрана не было.

Профессор Наср взял третий прибор.

В комнате никто не шевелился.

Клепов сидел у стены и пил чай из термоса — неторопливо, как человек, который знает результат и ждёт пока его узнают другие. Не следил за профессором. Смотрел в окно. На пальмы. На неподвижный раскалённый воздух над садом.

Его трое специалистов тоже молчали. Не переглядывались. Не ждали с напряжением. Просто сидели — тем спокойствием людей, которые делали эту работу много раз и знают, что она сделана правильно.

Третий прибор.

Профессор Наср посмотрел на показание. Записал.

Выключил приборы.

Сел на своё место.

Открыл блокнот. Посмотрел на записи — медленно, слева направо, как читают документ, который нужно понять до конца, прежде чем переходить к следующей странице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.